

Как ангелы попа унесли

Жил крестьянин с женой, у него было три племянника. Когда племянники достигли взрослых лет, то предложили дяде разделить с ними, дядя тоже согласился. После раздела дядя начал сильно пьянствовать, а племянники живут скромно и все время терпят от бедности, а дядя их, хотя и пьянствует, но все богатеет. Один из племянников, старший, по имени Андрей, решил пойти к дяде и спросить, отчего он так богатеет. Дядя принял его ласково, угостил водкой. Выпивши водки, племянник Андрей сказал: «Дядя, я к тебе пришел спросить, отчего ты богат?» На это дядя отвечал: «Как же мне не быть богатому, ведь я день и ночь занимаюсь воровством». Племянник просит дядю: «Поучи меня воровать». Дядя сказал: «Приходи ко мне вечером».

Наступил вечер, и они отправились в лес. Дядя подвел племянника к большому толстому дубу и спрашивает: «Что, племянник, если мы этот дуб спилим, куда он годится?» Племянник отвечает, что из него можно сделать большое корыто лошадям для корму. Тогда дядя говорит: «Не годишься ты, Андрей, воровать, а живи по-прежнему дома и занимайся хозяйством».

На следующий день второй племянник, Никита, отправляется к дяде. Дядя также принял его ласково, угостил водкой и спросил его, зачем он пришел. Никита ответил: «Я пришел к тебе, дядя, спросить, отчего ты богат, а мы бедно живем?» На это дядя ответил: «Ведь я постоянно ворую, оттого я и богат». — «Поучи, дядя, и меня воровать». — «Ну, приходи ко мне вечером».

Наступил вечер, и Никита отправляется к дяде, и вдвоем с ним приходят в лес к дубу толщиной в аршин. «Ну, если мы, Никита, этот дуб спилим, что из него можно сделать?» Никита ответил: «Это дерево очень удобно на клепку — много бочонков можно сделать». Тогда дядя говорит: «Иди-ка ты, Никита, по-прежнему работай бочки, а воровать ты не годишься».

На третий день идет младший брат, Герасим, дядя также принял его ласково и угостил его водкой. Выпивши водки, Герасим спрашивает: «Отчего ты, дядя, богат?» Дядя отвечает ему то же, что и старшим двум братьям. «Так научи же и меня воровать». — «Ну, приходи вечером ко мне».

Наступил вечер, и они отправились в лес. Подходят к маленькому дубочку, так, в оглоблю толщиной. Дядя спрашивает Герасима: «Что, если мы срубим этот дубочек, куда он годится?» Племянник ответил: «Его не стоит рубить, а стоит выкопать с корнем и оправить топором — славная будет дубина, хоть кого можно сразу убить».

Тогда дядя понял, что Герасим может воровать и разбойничать. «Ну, племянник, ты можешь воровать, но все-таки тебя надо испытать, как ты будешь аккуратен в этом. Вот в тростнике сидит дикая утка на яйцах, вытащи из-под нее хоть одно яйцо, чтобы она не услышала». — «Да ведь учиться у тебя хочу; прежде ты, дядя, вытащи, а потом уж и я». — «Ну, смотри, Герасим», — и пополз дядя на брюхе, осторожно, чтобы не спугнуть утку с гнезда. Когда он полез, то предполагал, что его сапоги цепляются за тростник, и когда вытащил из-под утки яйцо, только тогда заметил, что на его ногах нет сапог. Тут он и говорит племяннику: «Ты лучше моего можешь воровать! Я вытащил из-под спящей утки яйцо, я же не спал, а ты с меня так сапоги стащил, что и не почувял». — «Ну, дядь, пойдем куда-нибудь и украдем что-нибудь». — «Да я, Герасим, тут всю округу обобрал». — «Пойдем, дядя, у нашего барина кладовую оберем». — «Нет, Герась, там собаки очень лихи, я уж не раз думал это устроить». — «Пойдем, дядь, я устрою, что ни одна собака не брехнет».

Взяли они веревку и отправились к барскому двору, связали вязанку соломы и принесли к барскому забору, где помещалась кладовая. Племянник влез на забор, втащил за собою солому, зарылся в нее, и дядя опустил его по веревке через забор. Собаки побрехали, побрехали на солому да и перестали. Тогда наш Герасим сломал замок на кладовой, набросал собакам говядины. Собаки начали говядину глотать, а Герасим вещи за веревку вяжет из кладовой, а дядя веревку таскает за забор. Когда втащали что можно, дядя втащил и Герасима. Приходят они в дом дяди и начинают делить вещи. Дядя берет себе вещи больше: «Я тебя учил, за это мне и следует больше». А Герасим оспаривает: мне, мол, больше следует, потому что я лазил в кладовую, а ты стоял за забором: если б заметили, то меня б, мол, скорее поймали, а ты бы ушел.

Так они и не поделили. Тогда Герасим говорит: «Пойдем, дядя, спросим у барина у этого, кому, он скажет, следует больше получить». — «Что ты, Герась, аль удурманил? Ведь нас с тобой тут же поймают и отправят, куда Макар телят не гонял». — «Не твое дело, дядь, я сам пойду к барину в дом, а ты стой под окном и слушай, кому барин прикажет больше получить».

Подходят к барскому двору, дядя стал под окном около барской спальни, а Герасим пошел в дом. Барин в это время уже лег спать. Герасим переменял голос и начал говорить как лакей баринов, окликает барина: «Барин, я сегодня во сне видел, что у одного барина обокрали кладовую дядя с племянником, племянник лазил в кладовую, а дядя стоял у забора: кому из них следует большую часть получить, дяде или племяннику?» — «Конечно, племяннику, — сказал барин, — так как он трудился больше». Тогда Герасим отправился из дому и говорит дяде: «Слыхал, дядь, кому барин сказал получить больше?»

Тогда дядя выдал ему часть побольше, как барин сказал.

Утром барин узнал, что кладовая его обобрали, и припомнил, как вор был у него в доме и говорил с ним. Приезжает к барину поп в гости. Поп этот был барину кум. Барин рассказал попу, как у него кладовую обобрали и даже вор был в доме и говорил с ним. Поп стал смеяться барину, что он не мог поймать вора. Несколько раз поп подсмеивался над барином перед гостями. Барину эта насмешка не нравилась. Призвал барин к себе старосту с деревни и говорит ему: «Скажи-ка ты своим мужикам, кто может отсмеять попу за меня насмешки, я тому заплачу пятьсот рублей. Если кто согласится, то пришли его ко мне».

Староста пришел домой, собрал сходку около кабака и объявил просьбу барина — мужики никто не соглашались на это. Герасим, узнавши, приходит к дяде и говорит: «Дядь, сейчас на сходе староста объявил: барин даст полтысячи, кто отсмеет попу насмешки; пойдём к барину и возьмёмся отсмеять попу насмешки». — «Нет, Герась, ни за что не возьмусь; если мы не угодим барину, то нам с тобой достанется на орехи». — «Не твое дело, дядь, я возьмусь и все обделаю как следует».

Уговорил дядю, приходят к барину: «К вашей милости, ваше благородие; мы слышали, что вы нанимаете отсмеять попу насмешки, мы это можем сделать». — «Хорошо, — сказал барин, — делайте, я вам заплачу за это пятьсот рублей, а если не сделаете, то вам от меня достанется как следует». — «Есть воля ваша, тогда сажайте нас в острог, — сказал Герасим, — пожалуйста нам на расходы задаточку две сотенки рубликов».

Барин достал двести рублей, а дядя с племянником отправились в кабак. Пробывши в кабаке до вечера, изрядно выпивши, приходят домой. Взяли два белых полотна и поздним вечером отправились к дому попа, посмотрели в окошко — поп ложится уже на постель. Тогда они обернулись

этими белыми полотнами (ночь октябрьская очень темная была), и стучит племянник в окошко рукой. Поп глянул в окошко и, увидя такую белизну, спрашивает: «Кто это там стучит?» — «Это мы, батюшка, с небес святые ангелы!» — «Зачем же вы, святые ангелы, пожаловали ко мне?» — «Нас господь послал за вами, батюшка, так как у нас на небе все попы поумерли, то некому обедню служить. Бог говорит: «Нам без попа не быть; ступайте, ангелы, в село Воробьевку, притащите отца Андрея, он достоин служить на небе». — «Мы вот по приказанию господа и прилетели за вами, батюшка». — «Ах, святые ангелы, неужели никого нельзя взять, кроме меня, туда? У меня и тут приход хороший, прихожане хорошие, богатые, за требы платят хорошо». — «Мы этого, батюшка, ничего не знаем. А вы, батюшка, что бог приказывает, то и должны исполнять, а то на вас бог рассердится за ослушание». — «Но вот что, святые ангелы, попросите, пожалуйста, господа, чтобы он денек обождал, я распродам лишний скот и лишние постройки, а то — что тут попадье делать со скотом? Она и продать за цену не сумеет». — «Ну, хорошо, батюшка, мы попросим...» — «Пожалуйста, святые ангелы, попросите, я вас за это поблагодарю». — «Ну, до свиданья, батюшка, да уж готовьтесь к завтраму». — «Хорошо, скажите богу, буду готов».

И отправились наши племянник с дядей к себе по домам. Поп всю ночь не спал, все думал, за какую лошадь сколько просить, сколько за коров и овец и сколько за сарай с амбаром, и мечтает поп, как он на небе будет поживать и как он оттуда будет деньги присылать своей матушке. Рано утром поп рассказал это своей попадье, та тоже очень рада, что такая благодать пала на их семейство: «Распродавай-ка, отец, все лишнее. Это лучше, чем с мужиками тут возиться, там скорее пойдешь на повышение. Глядь, пробудешь года два попом, смотришь — в архиереи сюда назначат».

И начал поп распродавать скот; все распродал, только остался один амбар не продан. Наступил вечер, дядя с племянником опять отправились к дому попа, приходят к окошку, видят — сидит поп, посматривает в окошко. Они стукнули в окошко. «Это вы, святые ангелы?» — «Мы, батюшка. Что же вы: совсем собрались или нет?» — «Нет, святые ангелы, попросите бога отсрочить, а то я не успел амбар продать». — «Ах, батюшка, и за вчерашний-то день бог обиделся». — «Ах, святые ангелы, уж попросите бога, к завтраму необходимо буду готов». — «Да вот что, батюшка, не забудьте полное облачение, крест, евангелие и кадило, а то у нас обычай таков: как помрет поп, все это кладется с ним, да захватите рублей семьсот деньжонок, там придется вам кой-кому сделать подарочки, да и себе на

расход, покуда устроитесь. Да берите звонкой монеты, бумажки у нас не ходят». — «Хорошо, святые ангелы, все будет готово».

Ангелы отправились по домам. Наутро поп продал амбар, начал ездить по кабакам и по лавкам и менять кредитки на серебро, а вечером уж сидел в облаченье и держал в руках крест и евангелие, кадило и мешок с деньгами. Дядя взял большой мешок, а племянник веревку и оглоблю из саней. Накрылись белыми полотнами, пришли к окну, где сидел поп, постучали в окошко. «Сейчас иду, святые ангелы»,— простился поп с попадьей и вышел на улицу.

Батюшка отправляется в путь. «Только вам неудобно будет, как станем на небесную высоту подниматься, вы можете испугаться и упасть». — «А как же с этим быть?» — «У нас есть мешок, нам уже не в первый раз доставлять на небо батюшек, так вы полезайте в мешок, вам и не видно будет высоты». Поп полез в мешок, а один из ангелов спросил: «А это что у вас, батюшка в мешочке?» — «Это я деньжонок взял». — «Давай их сюда, а там, на небе, мы их вам отдадим».

Поп подал мешок с деньгами. Дядя с племянником завязали мешок, зацепили на оглоблю и понесли на плечах на барский двор. Около барского дома была поставлена лестница, с тех пор как дня два тому назад были трубочисты. Ангелы потащили попа по лестнице на крышу. Поп спрашивает: «Скоро ли, святые ангелы, долетим до неба?» — «Сейчас, батюшка, да вам придется еще подождать, бог еще спит, а проснется — тогда вас позовут».

Взошли на крышу, опустили мешок с попом в трубу и пошли домой. Утром, когда начали топить печи, полны комнаты набрались дымом. Барин проснулся и спрашивает: «Почему это дым в комнатах, или галки гнездо натаскали в трубу?»

Барин вышел на крыльцо, а кучер с дворником полезли на крышу посмотреть в трубу, не забились ли сажей. Видят, в трубе мешок, кричит: «Барин, тут какой-то мешок». — «Какой мешок? Тащите и бросайте!»

Вытащили мешок и бросили по крыше, вдарился оземь поп и крикнул: «Ой!» Лакей, слыша это, сказал барину: «Барин, тут что-то есть в мешке живое». — «Развязывай».

Развязали мешок, а из него вылезает поп в облаченье, держа в руках крест, евангелие и кадило. Тогда барин понял, в чем дело, и сказал: «Кум, ведь сегодня не праздник, что ты? Или у меня молебен служишь?»

Поп взошел в дом к барину и рассказал, как его обманули, как он по дешевой цене продал свое имущество, и как у него ангелы взяли семьсот рублей денег, и какую с ним проделку сделали.

Барин за это племяннику доплатил договоренную плату и дал десять рублей на водку.

(Зап. в Орловской губ., в 1899 г.)

Русское народное поэтическое творчество против церкви и религии. Сост., вступ. ст. и примеч. Л. В. Домановского и Н. В. Новикова. М.; Л., 1961.